

МАРИНА СЕРОВА

ГОРЯЧЕЕ ДЕЛЬЦЕ

Сернал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова
Горячее дельце

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Горячее дельце / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова против собственной воли втянута бандитами в расследование нового дела. Кто-то за полтора миллиона зеленых «впарил» их главарю фальшивую картину Франца Халса. Если Татьяна не отыщет мошенников, ей грозит смерть. Помогут ли на этот раз магические кости талантливому сыщику в юбке?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марина Серова Горяченькое дельце

* * *

Телефонный звонок застал меня в тот ответственный для варки кофе момент, когда коричневая ароматная пена сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее начинает подниматься, стремясь вырваться из кофеварки, и важно правильно угадать мгновение, когда необходимо снять ее с огня. Поэтому взять трубку было совершенно невозможно. В это злосчастное утро я уже лишилась почти всех своих денег, остаться еще и без кофе было бы совсем обидно. Тем более, что никаких важных для себя звонков я в данный момент не предвидела.

Кофе был готов после шестого звонка. Стало ясно, что человека, находящегося на другом конце телефонного провода, природа не обделила настойчивостью. Или я кому-то очень сильно понадобилась.

Трубку я сняла после седьмого звонка.

– Алло, – буркнула я с раздражением, простительным для женщины, в мгновение ока лишившейся немалых сбережений и не успевшей даже выпить кофе.

– Здравствуйте, я хотел бы поговорить с госпожой Татьяной Ивановой.

Неприятный резкий голос принадлежал мужчине в возрасте за пятьдесят.

– Здравствуйте, ваше желание исполнилось.

Глава 1

– Кому только нужны такие идиотские банки?

Этот риторический вопрос я задала сама себе, прочитав в утренней газете, пять минут назад доставленной почтальоном, что один из крупнейших и, как казалось, надежнейших банков нашего города, «Понтобанк», приостановил с сегодняшнего дня выплаты по вкладам юридических и физических лиц.

При этом мое собственное физическое лицо, которое я видела в зеркале старинного трельяжа, служившего украшением моей спальни, выглядело довольно кисло. И это было неудивительно, потому что именно в этом банке хранилась львиная доля моих сбережений, доставшихся не далеко не легким трудом, связанным к тому же с известным риском, неизбежным в профессии частного детектива.

Я отшвырнула газету и отправилась на кухню варить кофе. Настроение было испорчено с самого утра – Простите? – не понял мой собеседник.

– Вы разговариваете с госпожой Татьяной Ивановой.

– А-а, в этом смысле. Позвольте представиться, меня зовут Лев Владимирович Троицкий.

– Очень приятно, Лев Владимирович.

– Прошу меня извинить за столь ранний звонок. Я боялся не застать вас дома. Мне крайне необходима ваша помощь в одном деликатном деле. Я обратился к вам, будучи наслышан о ваших замечательных успехах в разрешении подобного рода проблем.

Так я и знала, очередной клиент. Если бы не сегодняшнее газетное сообщение, то скорее всего я бы отказалась. Хотелось немного отдохнуть. Но бедные люди не могут позволить себе быть такими разборчивыми.

– Я попытаюсь вам помочь, Лев Владимирович, – неохотно согласилась я, – но, очевидно, нам придется встретиться для уточнения деталей и условий нашего сотрудничества.

– Предлагаю встретиться на нейтральной территории, скажем, в кафе на берегу пруда в городском парке. Часиков в десять, то есть через полтора часа. Там сейчас довольно малолюдно, так что нам никто не помешает. Вы не возражаете?

– Не возражаю. Как мы узнаем друг друга?

– Я буду в коричневом костюме, а в руках буду держать черный зонтик.

– Хорошо, я к вам подойду. До встречи.

– Я приду пораньше и буду ждать вас с нетерпением.

Зонтик?

Положив трубку, я взяла чашку с кофе и подошла к окну. На сияющем голубизной августовском небе я не обнаружила ни малейших признаков туч или облаков.

Кофе безнадежно остыл.

Нет, сегодня явно не мой день. Но на встречу все равно идти придется.

* * *

Льва Владимировича Троицкого я легко узнала по его черному зонтику и коричневому костюму, а главное, потому, что, кроме него, в кафе абсолютно никого не было. Даже буфетчика.

Облик Льва Владимировича соответствовал моему представлению о нем, составленному по голосу. Он бы высок, сухопар и сутуловат. Толстые линзы очков в металлической оправе свидетельствовали о сильной близорукости их хозяина. Пресловутый черный зонтик служил

одновременно тростью, что побудило меня несколько изменить в лучшую сторону мнение о сообразительности его владельца.

Он сидел за пустым столиком, нервно сжимая в руках массивную ручку стоявшего между колен зонтика, больше похожую на рукоятку шпаги.

Когда я приблизилась к столику, Лев Владимирович вежливо, хотя и несколько нервно, встал и поздоровался. После того как мы сели, он произнес:

– Простите, я не знаю вашего отчества.

– Можно без отчества, зовите меня просто Таней.

– Хорошо, Таня. В двух словах я изложу вам суть моей проблемы.

– Одну минуту, Лев Владимирович. Прежде, чем вы начнете свой рассказ, мне хотелось бы внести некоторую ясность в наши взаимоотношения, чтобы в дальнейшем избежать возможных недоразумений. Он кивнул головой.

– На данный момент я еще не дала согласия на ведение вашего дела. И это, как вы понимаете, вполне естественно.

Чтобы взяться за дело, необходимо иметь о нем хотя бы самое общее представление. Конфиденциальность нашего разговора я гарантирую в любом случае, но, тем не менее, старайтесь избегать в предварительном рассказе возможных секретов, как ваших собственных, так и третьих лиц. Это во-первых, а во-вторых, я должна предупредить вас, что мои услуги стоят недешево.

– Сколько?

– Двести долларов в сутки, плюс текущие расходы. Аванс в размере пятидневной оплаты.

Лев Владимирович спокойно кивнул головой:

– Я полагаю, что такая сумма не является чрезмерной. И даже готов выплатить премию в случае успешного завершения дела.

Я в очередной раз убедилась, что внешность обманчива: Лев Владимирович совершенно не производил впечатление богатого человека.

Я пожала плечами:

– Тогда можно переходить к сути дела. Лев Владимирович секунду помедлил, взглянул в сторону появившегося за стойкой толстяка-буфетчика и предложил:

– Не хотите что-нибудь выпить? – Пожалуй, чашечку кофе.

Он опять кивнул, поднялся и подошел к буфетной стойке: в кафе было самообслуживание.

Вернулся он с чашкой кофе и стаканом, наполненным до половины чем-то янтарно-коричневым, похожим на коньяк. Кофе он поставил передо мной, а из стакана отпивал по глоточку в течение всего нашего разговора.

Не знаю, каков был коньяк, но кофе был отвратительный – растворимый, чего я вообще не люблю, да в придачу сильно пережженный, что делало его практически непригодным к употреблению.

– Дело заключается вот в чем, – неторопливо начал свой рассказ Лев Владимирович, – несколько дней назад я был вынужден выступить в качестве эксперта в одной сделке по купле-продаже довольно дорогой картины. Следует заметить, что по профессии я искусствовед. А если быть совершенно точным.

Я одобритительно кивнула головой, и он продолжил:

– Моей задачей было оценить подлинность продаваемой картины. Иногда это бывает нелегко сделать и в благоприятной обстановке, искусство фальсификации художественных ценностей, к сожалению, в наше время достигло высокого совершенства, а при тех обстоятельствах... впрочем, об этом я уже говорил. В итоге картина была приобретена, деньги, и немалые, были уплачены, а через некоторое время, в спокойной обстановке, я с ужасом обнаружил, что это явная и, что самое прискорбное, довольно грубая подделка.

Лев Владимирович замолчал, обиженно насупив брови. Было видно, что вновь нахлынувшее негодование на подлых обманщиков мешало ему говорить. Он попытался взять себя в руки, сделав хороший глоток из стакана, и это ему в конце концов удалось.

– Признаюсь, несколько дней я не решался сообщить правду хозяину картины. А когда сообщил, то... об этом лучше не вспоминать.

Он опять разволновался и, видимо, стремясь успокоиться, допил свой стакан одним глотком.

– Короче говоря, мне дали неделю срока на розыски аферистов, а потом в отношении меня будут приняты, как мне было сказано, «меры».

– И что же это за меры?

– Об этом я могу только догадываться, – мрачно изрек мой собеседник.

– А почему вы и ваш клиент не обратились в милицию?

Ответ на этот вопрос был для меня почти очевиден, но хотелось услышать его из собственных уст Льва Владимировича. Судя по тому, как он замялся, моя догадка была недалеко от истины.

– Понимаете, права продавца на ее владение были, мягко говоря, сомнительны.

– В переводе на русский это означает, что картина краденая. Не так ли?

– Весьма вероятно, – нехотя выдавил из себя кандидат искусствоведения.

Наступило тягостное молчание.

Лев Владимирович рассказал все, что считал нужным, а я, признаться, не знала, что ему ответить.

Было совершенно очевидно, что история эта из разряда «вор у вора дубинку украл». Примерно было понятно, что за публика скупает картины и собирается принимать свои специфические меры. Можно себе представить, что это будет отнюдь не арбитражный суд. Так что уныние Льва Владимировича также легко понять.

Постепенно у меня стало возникать ощущение, что я лезу в западню. Неясно было только, захлопнулась уже за мной крышка, или еще можно сдать назад.

Я почти твердо решила не браться за это дело, но, следуя своему принципу по возможности не рубить сплеча, предложила:

– Лев Владимирович, я должна подумать прежде, чем дать вам окончательный ответ.

– Я надеюсь, это не займет у вас много времени? – озабоченно поинтересовался он.

– Оставьте свой телефон, я позвоню вам сегодня вечером, не позже.

Лев Владимирович удовлетворенно кивнул головой и, покопавшись в бумажнике, достал и протянул мне визитную карточку.

Я встала и, попрощавшись, направилась к выходу.

Лев Владимирович остался в кафе и после моего ухода, как я заметила через стеклянную стену, направился к буфетной стойке. Очевидно, за второй порцией коньяка.

На скамейке, расположенной у пересечения ведущей к кафе асфальтовой дорожки с центральной парковой аллеей, сидели два коротко стриженных молодых человека в тренировочных костюмах. Один из них курил, другой что-то старательно жевал. Увидев меня, тот, который жевал, достал из кармана сотовый телефон, выплюнул прямо на асфальт шматок жевательной резинки размером с шарик для пинг-понга и, глядя на меня, с кем-то коротко переговорил. Затем он отрицательно покачал головой напарнику, после чего оба дружно отвернулись от меня и так же дружно уставились на дверь кафе.

Это был не тот случай, когда приятно чувствовать себя пророком, но, кажется, у меня действительно появились хорошие шансы влипнуть в очень скверную историю.

Тремя месяцами раньше

– Ну и что теперь делать будем?

Вопрос повис в воздухе, а точнее в той диковинного состава атмосфере, которая наполнила маленькое, плохо вентилируемое подвальное помещение, принадлежащее Товариществу с ограниченной ответственностью (ТОО) «Набла».

Атмосфера эта была насыщена табачным дымом, фекальными испарениями и запахом уксуса. Если присутствие первых двух компонентов в особых пояснениях не нуждалось и органически свойственно подобного рода помещениям, то запах уксуса появился здесь совсем недавно в результате падения на бетонный пол коробки с майонезом, продажей которого и занимались последнее время отцы-основатели ТОО «Набла» господина Назаров и Благодаров. Начальные слоги фамилий последних и послужили, как легко догадаться, источниками и составными частями звучного названия их любимого, но, как это, увы, часто бывает, непутого детища.

Вопрос был задан господином Назаровым господину Благодарову, но только потому, что господин Благодаров не успел задать его первым. Вернее, он его задавал, но самому себе, так как понимал, что его компаньон и товарищ ответа на этот вопрос не знает. Горькая правда, однако, состояла в том, что ответа на этот традиционный вопрос русской интеллигенции не имел и сам господин Благодаров.

Полтора года назад тридцатипятилетние Олег Назаров и Алексей Благодаров работали конструкторами в одном оборонном НИИ, который к этому времени тихо испустил дух, не выдержав тягот реформации.

Оказавшись на улице, предприимчивые друзья смело бросились в бурные волны свободного предпринимательства.

Они торговали оптом и в розницу, парфюмерией и бельем, макаронами и смазочными маслами, чаем и мебельными гарнитурами. Иногда успешно, иногда не очень, но на хлеб с маслом им хватало.

Поднакопив немного денег, друзья организовали ТОО «Набла» и решили заняться оптовой торговлей продуктами питания.

Поначалу знакомое дело шло неплохо. Прибыль частично тратилась на собственные нужды, но большей частью шла на постепенное расширение дела.

Но так продолжалось недолго. В один далеко не самый прекрасный день их жизни в подвальчик заглянул благообразный господин с портфелем. Его сопровождали два далеко не столь благообразных молодых человека с очень короткой стрижкой. Господин с помощью документов, извлеченных из портфеля, объяснил друзьям, что их прибыль, за размером которой представляемая им организация внимательно следит, неприлично велика и что они просто обязаны ею поделиться. В том же случае, если делиться они, паче чаяния, не пожелают, их могут постигнуть разнообразные неприятности и даже бедствия.

При этом он как бы невзначай махнул в сторону молча жующих резину молодых людей. Напротив, в случае справедливого дележа представляемая им организация берется охранять и оберегать от любых преступных посягательств их священную частную собственность.

Кроме того, особо отметил он, прерогатива установления критериев справедливости принадлежит исключительно представляемой им организации. Другими словами, платить придется столько, сколько скажут.

Сущность, а главное, форма сделанного предложения дискуссий не предполагала.

«Не мы первые, не мы последние», – вздохнули друзья и оказались под «крышей» знаменитого в городе криминального авторитета, известного широкой публике под кличкой Кабан.

Постепенно пресс вымогательства становился все жестче и тяжелее. И вот наго конец подведение итогов деятельности ТОО за последний месяц показало, что прибыль равна нулю. То есть весь предыдущий месяц друзья вкалывали на чужого дядю.

Именно после осознания этого прискорбного факта и повис в воздухе сакраментальный вопрос.

– Что делать, что делать? – ворчливо передразнил приятеля Благодаров и тут же остроумно ответил: – Снять штаны и бегать.

– Нет, серьезно, – не унимался Назаров, – а то мы с тобой, как тот мужик из анекдота.

– Какой мужик? – рассеянно поинтересовался Благодаров.

– Ну, его спрашивают: «Ты чем занимаешься?» А он говорит: «Покупаю яйца по рублю двадцать за десяток, варю вкрутую и продаю на вокзале по двенадцать копеек за штуку». – «А что ты с этого имеешь?» – «Как что? Бульон! И сам при деле».

– Очень смешно, – мрачно отозвал Благодаров.

– Раньше мне тоже было смешно, теперь не очень. Я теперь вроде как на его месте оказался.

– Не совсем, – все так же серьезно возразил Благодаров, – у тебя даже и бульона не осталось, одни пустые хлопоты.

Оба тяжело вздохнули и полезли в карманы за сигаретами.

– Я вот чего не понимаю, – продолжил беседу Назаров, выпустив клуб дыма, – какой им интерес стричь нас под ноль? Ведь если мы закроем лавочку, а все к этому идет, они с нас вообще ничего иметь не будут! Где же логика?

– Логика тут простая. Они понимают, что свято место пусто не бывает. Им выгоднее иметь на своей территории одну крупную оптовую фирму, чем двадцать таких мелких, как наша. Ее и контролировать проще...

– Чего ее контролировать, она им и принадлежит, – прервал друга Назаров.

– Тут ты прав: они просто ликвидируют конкурентов. Самое смешное, что это всем выгоднее: и налоговой инспекции, и пожарной охране...

– И администрации района!

– Точно. Всем чиновникам. С одной конторы взятки брать проще. Только покупателям хуже, цены-то устанавливаются монопольные, высокие. Вот покупатель все и оплачивает. И взятки чиновников, и туалеты бандитских шлюх, и все такое прочее. Друзья опять замолчали.

– Кстати, знаешь, что мне вчера Зинаида рассказала? – прервал молчание Назаров.

Зинаидой звали его жену. Она была художницей. Писала в основном акварельные пейзажи. Самому Назарову ее акварели очень нравились, но, к сожалению, у широкой публики особым успехом они не пользовались. Поэтому большая часть работ украшала стены их квартиры и ее мастерской, оплачиваемой Союзом художников. Основную долю доходов Зинаиды составляли оформительские заказы частных и кое-как еще работающих государственных предприятий.

Благодаров вопросительно поднял брови.

– Кабан теперь картины покупает, – выпалил Назаров и уставился на приятеля, чтобы сполна насладиться произведенным впечатлением.

– Какие картины? Что он в этом понимает? – искренне удивился Благодаров.

– А у него недавно консультант объявился.

– Это кто же такой?

– Да есть у них в Союзе один жук, искусствовед, мать его переети. Раньше он занимался тем, что за мзду своим корешам оценивал подороже картины, покупаемые музеями и картинными галереями. Иконами спекулировал, скупал за бесценок у деревенских бабок неграмотных, реставрировал и продавал за границу. Теперь вот организует выгодное размещение капиталов таких жлобов, как Кабан.

– Его самого, я слышал, можно в картинной галерее выставлять. Вся шкура в татуировках.

– Вот видишь, знать, сильна в нем тяга к прекрасному.

– Чудны дела твои, Господи, – печально вздохнул Благодаров. – Пошли, Олег, по домам, утро вечера мудренее. Завтра будем решать, что нам делать дальше.

Глава 2

Вернувшись домой после неприятного свидания со Львом Владимировичем Троицким, я первым делом достала заветный мешочек и, встряхнув его несколько раз, бросила кости на стол.

14 + 30 + 9.

Это означало:

«Успех и удача не изменят Вам и в дальнейшем, если Вы, продвигаясь вперед, будете тщательно продумывать каждый свой шаг».

Короче говоря, дело спасения утопающих – дело рук самих утопающих. Жестоко, но похоже на правду.

Первый мой шаг был настолько очевиден, что его и обдумывать не требовалось.

Я взяла телефонную трубку и набрала номер Льва Владимировича. Трубку никто не брал. Видимо, он продолжал накачиваться коньяком в парке.

В течение дня я сделала несколько тщетных попыток связаться с искусствоведом, чтобы ответить категорическим отказом на его предложение.

Наконец часов около пяти он позвонил сам и неожиданно трезвым голосом сообщил, не став даже слушать меня:

– Видите ли, Таня, с момента нашей встречи обстоятельства кардинально изменились. Мой клиент желает немедленно встретиться с вами.

– А если я не желаю?

– Боюсь, что это не имеет значения. Я, признаться, боялась того же самого. Похоже, западня уже захлопнулась. Вот теперь мне действительно придется «тщательно продумывать каждый свой шаг». – Алло, – напомнил о себе Лев Владимирович.

– Да, я думаю.

– А что тут думать, голубушка? За вами уже и машину послали. Собирайтесь, и с богом. Я тоже здесь, значит, скоро увидимся.

– Хорошо, до встречи, – я со злостью бросила трубку.

Едва я успела собраться, как раздался звонок в дверь.

На пороге стояли те самые гоблины из парка. На этот раз они оба жевали. Я молча захлопнула дверь, прошла между ними к двери лифта.

Перед подъездом стоял «БМВ» с водителем. Я так же молча села на переднее сиденье и коротко бросила:

– Поехали! К шефу.

Пусть не воображает, что меня везут насильно.

Водила удивленно посмотрел на меня, но промолчал. Убедившись, что гоблины уселись на заднее сиденье, он резко рванул машину.

Двумя месяцами раньше

– Ты понимаешь, Олег, в чем суть дела, – горячился Благодаров, досадуя на непонятливость приятеля, – на самом деле не имеет значения, есть у нас картина или нет. Риск в первом случае даже больший, как ни странно это звучит.

Друзья сидели в своем пахучем подвальчике, курили, пили пиво, решая, что же делать дальше, и, незаметно для себя, перешли к обсуждению особенностей коллекционирования предметов искусства в условиях построения капитализма в современной России.

– Подожди, не тарыхти. Предположим, что у нас действительно есть дорогая картина и мы хотим ее продать. Чем мы в таком случае рискуем?

– Если мы продаем ее Кабану, то рискуем тем, что он и картину заберет, и бабки не отдаст. А чтобы мы не трепались, может нас и закопать где-нибудь в лесочке, это ему раз плюнуть, не впервой.

– А если картины нет?

– Картину какую-нибудь иметь надо, желательнее похожую на настоящую, но это другой вопрос. Если в процессе продажи выяснится, что она поддельная, то это плохо, но не смертельно: мы, мол, сами пролетели, нас тоже кинули. Кабан, конечно, разозлится, но мокрушничать из-за этого не станет, бабки-то его при нем и останутся. Дадут пару раз по морде, и все дела, инцидент исчерпан.

– По-твоему, выходит, что, если картина поддельная, то дадут по морде, а если настоящая, то закопают. Хороший бизнес, ничего не скажешь. По мне, так лучше вареными яйцами торговать, как тот мужик из анекдота.

– Да иди ты со своими яйцами! Пойми наконец, что я тебе толкую. С этой торговлей майонезной ты совсем отупел.

– Знаешь, что я тебе скажу, умник, – обиделся Назаров, – если один человек объясняет, а другой его не понимает, то это еще вопрос, кто из них тупой.

– Да ты выслушай сначала толком, а потом замечания свои делай идиотские.

– Ну, излагай.

– Я тебе просто объяснил, что таким жлобам, как Кабан, поддельную картину продавать даже безопаснее, чем настоящую. Согласен?

– Вроде согласен. По морде получить, конечно, приятнее, чем червей питать своим молодым телом.

– Ну вот, стало доходить постепенно, а то я начал бояться, что ты безнадежен.

– Надежен, надежен, – успокоил приятеля Назаров, – ты дальше излагай. – Да я почти закончил. Главное в этом деле – так обставить момент обмена картины на деньги, чтобы кабановская пехота нас не узнала и не сцапала.

– Легко сказать, – Назаров скептически покачал головой.

– Есть у меня один планчик. Можно их подловить на собственной жадности, но бабки должны быть очень крупные. А это значит, что картина должна быть очень дорогой. Ну, очень.

– Дорогие картины, они все на виду и наперечет. Как мы объясним, откуда она к нам попала? Скажем, что украли из Лувра? Кто же нам поверит? О таких делах в газетах на первых полосах пишут. Чтобы поверили, нам ее действительно придется украсть. А в Лувр я лезть отказываюсь принципиально, у меня с французским напряженно.

– В этом все и дело, – задумчиво согласился Благодаров, – чтобы Кабан железно поверил, картину действительно нужно украсть. Иначе он не клюнет, в этих делах он знает толк, сам, говорят, домушником был. За это и сидел. Только зачем нам ее красть? Нам ведь сама картина-то не нужна.

– Что-то я не пойму, куда ты клонишь.

– Ладно, мне еще подумать надо, завтра поговорим. Кстати, как твоя Зинаида поживает? Все рисует?

– А что ей сделается, рисует, – флегматично подтвердил Назаров.

Вдруг он что-то заподозрил и озабоченно посмотрел на приятеля:

– А при чем тут моя жена?

– Передавай ей привет, что-то давно не виделись, – спокойно продолжал Благодаров, не обращая внимания на вопрос.

И только отвернувшись в сторону, пробормотал себе под нос:

– Может оказаться, что очень даже при чем.

Глава 3

Пока мы ехали в «БМВ», я пыталась угадать, куда же меня, собственно, везут. То, что к шефу, это понятно. Но вот кто такой этот самый шеф? Я, конечно, знала понаслышке клички и районы влияния самых крупных городских авторитетов, но, как всякий нормальный человек, старалась держаться от них подальше. Борьба с организованной преступностью ни в малейшей степени не входит в обязанности частных детективов. Впрочем, помогать преступникам у меня тоже не было никакого желания. После того, как мы проехали изрядную часть Заводского района, осталась только одна возможная кандидатура шефа – Кабан.

Штаб-квартира Кабана размещалась в одноэтажном приземистом здании на окраине города, обнесенном высоким глухим забором.

Когда машина подъехала к массивным металлическим воротам, они без видимых причин разъехались, освобождая нам дорогу.

Над воротами висела табличка: АОЗТ «Шторм».

* * *

Кабан, а это был именно он, сидел в большой комнате за обшарпанным столом, более похожим на обеденный, чем на канцелярский.

Был он среднего роста, сухощав и черноволос. Вид скорее озабоченный, чем свирепый. Лет около сорока пяти.

На стуле у стены примостился Троицкий с неизменным зонтиком между колен.

При моем появлении он встал со стула и церемонно представил:

– Анатолий Серафимович, позвольте вам рекомендовать Татьяну Иванову, знаменитого в наших краях детектива...

– Да заткнись ты, старый хрен, – грубо оборвал его Кабан, – я тебя уже наслушался.

Троицкий с поникшим видом опять занял свое место у стены.

– Садись, – кивком головы указал мне Кабан на ближайший к его столу растрепанный мягкий стул.

Несколько мгновений он буравил меня маленькими карими глазками, а потом визгливо спросил:

– Мне этот придурок напел тут про тебя, будто ты что хошь можешь отыскать со своей хиромантией. Это правда?

– Понимаете, Анатолий Серафимович, – осторожно начала я, но тут же была прервана.

– Да будет тебе! Серафимыч да Серафимыч. Оставь мово папашку в покое. Хоть и нехорошо про покойных, но сволочь был старик еще та. Скольки я от него натерпелся, вспоминать неохота, – неожиданно разоткровенничался Кабан.

– Как же мне вас называть? – слегка растерянно спросила я.

– Называй, как все, – кажется, он тоже был удивлен моей непонятливостью.

– А как это, как все? – продолжала допытываться я. Кабан начал сердиться:

– Ну, Кабан, как еще. Или это... Толян зовут тоже. Ты, в натуре, как маленькая все равно.

Внутреннее напряжение, нараставшее во мне с того момента, как мне позвонил Троицкий, внезапно пропало, и я неожиданно для себя и присутствующих громко захохотала.

Кабан, насупившись, смотрел на меня, решая, как расценивать мое поведение. В конце концов он, видимо, пришел к выводу, что все идет нормально, и сам захохотал, всплескивая руками и с грохотом ударяя ими по столу.

Троицкий смотрел на нас как на сумасшедших.

Нахохотавшись, Кабан сказал:

– Я гляжу, Танюха, девка ты веселая, это хорошо. Я люблю веселых. А то на эту постную рожу, – он ткнул пальцем в сторону Троицкого, – смотреть тошно. В общем, решим так, – Кабан перешел к делу, – раз этот сундук тебе все рассказал...

– Да нет, не все, – поспешила я откреститься от чрезмерной информированности, но было слишком поздно. Кабан безнадежно махнул рукой:

– Что еще не рассказал, то расскажет. Может, оно и к лучшему. Сам он только языком трепать здоров. Моим костоломам с этим в жисть не управиться, так что давай, Танюха, ищи этих гнид, что меня кинули, падлы. Ты знаешь, на сколько они, пидоры, меня кинули? – Воспоминания об утраченных деньгах заставили Кабана перейти на визг.

Я отрицательно покачала головой.

– На полтора «лимона» «зеленью»! – горестно возопил Кабан.

От удивления я присвистнула. Сумма впечатляла. Я и не подозревала, что речь идет о таких больших деньгах.

Тем хуже для меня.

– Во, во, – страдальческим голосом подтвердил Кабан, – засвистишь тут. А все этот козел старый, – он повернулся в сторону Троицкого, чинно сидевшего с таким видом, будто все происходящее не имело к нему никакого отношения. – Давай, говорит, верняк, говорит. Заплатим полтора, получим два. Получили, мать твою! Кусок тряпки и будильник сломанный.

Он опять махнул рукой:

– Давай, Танюха, ищи. Кровь из носа, но найди. Сколько ты берешь за работу, он мне сказал. Все получишь сполна, не сомневайся, не обижу. Сроку вам даю неделю. Ты пойми, Танюха! – он опять перешел на жалобный крик. – Я ж эти бабки занял под процент, через неделю срок выходит! Чем я отдавать буду? Думаете, если Кабан крутой, так ему позволят долги не отдавать?

Он опять повернулся к Троицкому, постепенно свирепея от собственного крика:

– Что молчишь, эксперт хренов? Думаешь, наверное, чего это Кабан раскипятился, все равно занятого отдавать не будет?

Не дождавшись ответа от окаменевшего искусствоведа, он неожиданно спокойно обратился ко мне:

– Правильно, можно и не отдавать, коли взяты у лоха какого-нибудь, у фраера то есть, – перевел он для непонятливых, – а тут никак нельзя, Танюха. Есть люди покруче Кабана. Ну, не покруче, – уточнил он после секундной паузы, – но тоже палец в рот не клади. Так что ищи, Танюха, ищи.

– А если не найду? – поинтересовалась я.

– Башку оторву, – деловито разъяснил Кабан и добавил, поглядев на Троицкого: – Обоим. Что-то было в лице Кабана такое, что не позволило мне усомниться в его словах.

Месяцем раньше

Благодаров сошел с электрички примерно в половине одиннадцатого утра и, закинув за спину свой нетяжелый, приятно позвякивающий рюкзак, бодрым шагом направился по знакомой тропинке, ведущей вдоль овражка к виднеющемуся вдалеке дачному поселку.

Солнце начинало припекать во всю свою июньскую силу, но воздух сохранял еще ночную свежесть. В небе пели жаворонки, в траве стрекотали кузнечики, в пруду квакали лягушки – словом, жизнь вокруг кипела во всем своем многообразии.

«Лепота, – подумал Благодаров, снимая на ходу майку, чтобы подзагореть, – может, и мне дачу купить?»

Благодаров был стопроцентно городским жителем. Своей дачи у него не было, ни он сам, ни его жена, ни тем более дети не питали ни малейшего пристрастия к земледелию. Максимум, на что его хватало, это раза три-четыре за лето выбраться в гости к счастливым обладателям дачных участков из числа друзей или родственников. Причем больше суток провести на даче он был просто не в состоянии. Его неудержимо тянуло назад, в город.

Тем не менее всякий раз, впервые в году выбравшись на природу и поддавшись ее расслабляющему очарованию, он невольно начинал строить маниловские планы слияния с ней, родимой.

К счастью, это быстро проходило, не успевая дать серьезных осложнений.

На этот раз он направлялся в гости к своему другу и компаньону Олегу Назарову.

Благодаров знал, что, кроме Олега и его жены Зинаиды, на даче сегодня никого не будет, а он хотел без помех поговорить с ними обоими.

Чтобы разговор проходил непринужденнее, Благодаров захватил с собой изрядный запас спиртных и прохладительных напитков, зная, что Зинаида запрещала Олегу брать выпивку на дачу, дабы не снижать производительность его сельскохозяйственного и строительного труда. Но гость – это святое.

Олег, разумеется, знал о предстоящем визите друга, но для его жены он должен был оказаться сюрпризом.

Поэтому, когда Благодаров, отворив калитку, возник перед глазами хозяев, Олег повел себя соответствующим образом.

– Зинаида, ты посмотри, кто к нам пришел! – воскликнул он с неподдельной радостью, электричка здорово опоздала, и в его душе уже начинало зреть ужасное подозрение, что Благодаров передумал и не придет. Это означало бы крушение всех радужных планов на приятное времяпрепровождение.

– Здравствуй, хозяева. Бог в помощь! – степенно поздоровался Благодаров.

– Здравствуй, Леша, проходи, пожалуйста. – Зинаида была приветлива, хотя и не кипела таким энтузиазмом, как ее муж.

Благодаров правильно рассчитал время визита: начало июня – период, когда все уже посажено, а обрабатывать и тем более пожинать плоды еще рано. Дела на участке, конечно, всегда найдутся, но ничего такого, что нельзя было бы отложить. Оказалось, что хозяйка еще не завтракали (исключительно вследствие беззастенчивого саботажа этого мероприятия, проводимого Олегом все утро), и поэтому стол был накрыт естественно и быстро. За едой, легкой выпивкой и разговорами незаметно пролетело около часа к тому времени, когда речь зашла, как это и должно рано или поздно случиться в любом застолье, о деньгах. Зинаида стала рассказывать, что она построила бы на участке, если бы имела достаточно средств.

Благодаров решил, что наступил подходящий момент для серьезного разговора.

– Мне кажется, – осторожно вступил он в беседу, – этот вопрос можно решить.

– А-а, – отмахнулась Зинаида, – вы с Назаровым уже который год его решаете, да все никак не решите толком.

– На этот раз дело верное, да надо бы с тобой посоветоваться.

– Что же это за дело такое? – без особого интереса спросила Зинаида, намазывая бутерброд паштетом. – Раньше вы вроде без моих советов обходились.

– Ну, это малость по твоей части. Хотим картину продать.

Зинаида от удивления намазала паштет себе на ладонь. Заметив ошибку, она слизнула паштет с руки и, проглотив его, спросила:

– Какую это картину, мою, что ли?

– Боюсь, Зинаида, что после продажи твоей картины не только на второй этаж, а даже на собачью конуру денег не хватит, – вступил в разговор ее муж.

– Так объясните, о чем речь.

Благодаров вопросительно посмотрел на друга и, увидев, что тот одобрительно кивнул головой, стал излагать свой план.

Вопреки опасениям компаньонов Зинаида не отказалась категорически, что автоматически привело бы к крушению всех замыслов, а задала несколько вопросов, касающихся деталей ее участия в деле, и попросила пару дней на размышления и выяснение некоторых обстоятельств.

В заключение Благодаров внушительно предупредил:

– Об этом разговоре никому ни слова. Я повторяю, ни-ко-му. Даже моей жене. В деле мы трое, и больше никто ничего знать не должен. Иначе сгорим, как мотыльки.

Его собеседники одобрительно кивнули головами.

Глава 4

Кабан представил меня одному из своих подручных, который отзывался на имя Савелий. Было это действительно его имя или кличка, я так и не разобралась. По должности числился он кем-то вроде начальника службы внутренней безопасности и был правой рукой Кабана.

Савелию при мне было велено оказывать розыскам всяческое содействие. Что говорилось в мое отсутствие, я могла только догадываться, но, судя по тому, что за Троицким была организована слежка, вполне возможно, что подобная превентивная мера будет применена и ко мне.

Для начала я потребовала машину, чтобы вернуться домой.

Без возражений был предоставлен тот же «БМВ», на котором меня привезли сюда. Подозвав кивком головы Троицкого, я направилась к машине, по дороге объяснив ему, что мы едем ко мне, где и поговорим по душам.

Я заняла место рядом с тем же водителем, приказав ему:

– Домой.

На этот раз никакого удивления он не выказал.

* * *

Едва я захлопнула за собой дверь своей квартиры, как тут же выложила Троицкому все претензии, которые прямо распирали меня в машине по дороге домой.

– Как вы посмели подставить меня этому монстру? Я ведь не давала вам согласия!

– Поймите меня, – оправдывался он, – они следили за мной и увидели вас. Кабан вызвал меня к себе и прямо спросил, кто вы такая. Не мог же я сказать, что вы моя, например, любовница.

– Этого только не хватало.

– Вот видите. Кроме того, он потребовал отчитаться, что я сделал для розыска. А что я мог сказать? Ничего не сделал? Вы же видели, он псих самый натуральный. Он мог убить меня на месте.

– И поделом вам, зачем вы с ним связались? Насколько я поняла, это ведь была ваша инициатива?

– Бес попутал. Я уже раскаялся сто раз.

– А уж как я раскаялась, что с вами связалась, вы себе представить не можете.

– Могу, – обиженно буркнул незадачливый кандидат искусствоведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.